

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Опера «Пан Твердовский» и «Пять лет в два часа, или как дороги утки»

«Об опере „Пан Твердовский“ мы уже сказали наше мнение во всех отношениях. К сожалению, мы должны прибавить, что время не улучшает ее исполнения. Музыку мы слушали с новым и живейшим удовольствием. Соглашаемся, однако, что превосходный хор при появлении гробницы Твердовского кажется *неуместным*, особенно потому, что хор поет: „Небес свершилось повеленье“, а черт держит надпись: „Твой час, Твердовский, наступил“. Можно ли действовать заодно небесам и аду? В этот раз г. Бантышев поменее употреблял телодвижений, и приметно, что он старается победить важный порок методы своего пения: невнятное произношение слов. Прочее все шло по старому, кроме того, что из прежнего святочного пугалы черт превратился в блестящего, розового щеголя; это весьма странно противоречило словам: „Адское чудовище, страшилище, мертвящий твой взгляд“...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Опера «Пан Твердовский» и
«Пять лет в два часа, или как
дороги утки»

Опера-водевиль в двух действиях

Июля 3 дня.

Об опере «Пан Твердовский» мы уже сказали наше мнение во всех отношениях. К сожалению, мы должны прибавить, что время не улучшает ее исполнения. Музыку мы слушали с новым и живейшим удовольствием. Соглашаемся, однако, что превосходный хор при появлении гробницы Твердовского кажется *неуместным*, особенно потому, что хор поет: «Небес свершилось повеленье», а черт держит надпись: «Твой час, Твердовский, наступил». Можно ли действовать заодно небесам и аду? В этот раз г. Бантышев поменее употреблял телодвижений, и приметно, что он старается победить важный порок методы своего пения: невнятное произношение слов. Прочее все шло по-старому, кроме того, что из прежнего святочного пугалы черт превратился в блестящего, розового щеголя; это весьма странно противоречило словам: «Адское чудовище, страшилище, мертвящий твой взгляд» и проч.

С большим удовольствием смотрели мы водевиль «Пять лет в два часа, или Как доро-

ги утки», переделанный с французского незабвенным А. И. Писаревым; это одно из последних его произведений и доказывает, как овладел было он языком разговорным. Какая легкая острота, непринужденная игра слов! Без всякой натяжки или работы! И на французском языке *так* написанный водевиль заслужил бы похвалы, а на русском это подвиг немаловажный в отношении к слогу. Друзья его смеялись сквозь слезы. – Вот содержание водевиля.

Тони, молодой рыбак и простаk, любит Фанни (и любим ею), дочь лесничего Бертрама, который соглашается на их свадьбу с условием, если Тони достанет пятьдесят гиней. Но где их взять бедняку, которому все не удается? Он поет:

*Лошадьми, водой, парами,
Сеют, жнут, куют, прядут;
Скоро думать – не умами,
А машинами начнут.
Все колеса да пружины!
Только знай их заводить...
А не вздумают машины,
Чтоб работников кормить.*

Фанни придумала и посылает своего любезного к крестному отцу попросить пятьдесят гиней. Во время его отсутствия приходит брат лесничего Бертрама, Джон Пудинг, пирожник; он сбирал свои пирожные долги в их околотке и остается на свадьбу племянницы. Прибегает Дик (молодой рыбак, весельчак и проказник, товарищ простосердечного Тони) и приносит от мирного судьи выписку из газет, в которых напечатано: «Знаменитый разбойник Робинсон остановил вчера одного путешественника и предложил ему купить утку за двести гиней; пистолет, приставленный к груди путешественника, принудил его согласиться на покупку». Слушатели поражены такою новою отраслью торговли, а особливо дядя Пудинг, который от природы трус и собирает деньги. Все расходятся по своим делам и просят Дика сказать Тони, когда он возвратится, что невестино семейство ждет его ужинать. Дик остается один, смеется, вспоминая свои проказы над простодушным Тони, и поет:

*Он всех своим аршином мерит
И верить всякому готов:*

*Судейским обещаньям верит
И предписаньям докторов;
Он верит женским увереньям,
Он верит нашим домовым,
Купцам, журнальным объявле-
ньям
И даже актам долговым.*

Тони возвращается в горе и жалуется на своего крестного. Дик спрашивает его: «Что ж? разве он отказал?»

Тони

То-то и беда, что ничего не отказал, решительно ничего.

Дик

Что за вздор ты несешь?

Тони

Я ничего не несу: видишь, вернулся с пустыми руками. Моего крестного угораздило вчера скончаться, и он мне ничего не отказал.

Дику, по старой привычке, пришла охота посмеяться над бедным Тони: он уверил его, что утки чрезвычайно поднялись в цене, что

за одну платят по двести гиней. Тони поверил и бежит домой за утками, которых у него, по счастью, две. Дик, смеясь, уходит. В самое это время Пудинг возвращается к брату; ночное время и шестьдесят гиней в кармане заставляют его крепко трусить. Между тем проворный на этот раз Тони, посадя лучшую свою утку в клетку, выбегает на дорогу и сталкивается с Пудингом (они друг друга никогда не видывали), который в самую ту минуту говорит: «Ну, если я наткнусь на молодца, который торгует утками?» Обрадованный Тони сейчас предлагает ему купить утку; натурально, Пудинг принимает его за Робинсона, из чего выходит презабавная сцена. Заплатя шестьдесят гиней, Пудинг бежит прямо к судье. Тони в восхищении мечтает о будущем своем житье-бытье, как вдруг видит команду лесничего, которая уже ищет разбойника, ограбившего Пудинга, и хочет его немедленно повесить. Тони узнает свою ошибку; страх заставляет его бежать куда глаза глядят; он оставляет прощальное письмо к Бертраму и Фанни. Все огорчены, получив его, и намереваются отыскивать Тони. Так кончается пер-

вое действие, происходившее в Англии, около Дувра. Второе действие начинается через пять лет, в Париже. Рыбак Тони уже банкир Петерсон. Он спас жизнь богатому купцу, который усыновил его и умер, оставя ему в наследство все свое имение: у г. Петерсона уже великолепный дом, услуга и управитель Глюкман; он, по совету других, думает жениться, хотя помнит и любит свою Фанни; для будущей супруги приказывает нанять горничную, которая и приходит. Эта горничная – его милая Фанни! Отец ее лишился места, дядя обанкрутился, и все они переехали жить в Париж, где Пудинг опять печет свои пироги. Любовники в восхищении; посылают карету за своими родными; но каково положение Пудинга, когда он, заглянувши в контору банкира Петерсона, видит *своего разбойника*, считающего деньги. Он сообщает это открытие Бертраму. посылают за полицией и хотят открыть хозяину, что у него в доме скрывается вор. Петерсон приходит; он еще незнаком с Пудингом, который подходит к нему с распростертыми объятиями и видит, о ужас, опять *своего разбойника!*.. Сцена очень

смешная. Натурально, дело все объясняется. Пудингу за шестьдесят гиней дают две тысячи, и он с важностию говорит: «Видно, утка вывела утят». Полицию отсылают; мир, веселье и свадьба.

Вообще водевиль разыгран был прекрасно. О г. Щепкине нечего и говорить: мы видели в нем настоящего дядю Пудинга. Нельзя было не смеяться от души, когда ему в первом действии предложили купить утку, и когда он после уверял, что разбойник был великан с огромными усами и что он два раза сбивал его с ног; также и во втором действии, когда с распростертыми объятиями подошел он к будущему племяннику и узнал в нем *своего разбойника*. Г-н Щепкин даже в водевиле умел одушевить свой куплет, слабый в сравнении с целой пьесой,[1] и заставил рукоплескать уже разъезжающуюся публику. Вот слова куплета:

*Правда, мужество, познанья,
Без которых тяжко жить,
Разум, честность, дарованье,
Продолжайте говорить.
Лесть, неправда, предрассудки,*

*Страсть а невежестве дремать,
Страсть к чужому – хоть на сут-
ки
Не пора ли замолчать?*

Г-н Живокини играл Тони; он находился в затруднительном положении: эта роль была прилажена нарочно для г. Рязанцева, так сказать по мерке его таланта – он был любимец публики, – а г-ну Живокини, сообразно с его средствами, надобно было играть совершенно другим образом. Он исполнил это прекрасно и во втором действии был даже лучше Рязанцева, который банкира играл уже ловким, светским человеком, а это неверно: простак Тони должен был выглядывать из банкира Петерсона, как это и выполнил г. Живокини. Ему недоставало природы Рязанцева, заметно было искусство, но мы надеемся, что со временем он обработает эту роль превосходно. Этот молодой артист заслуживает особенное уважение по любви к своему искусству и с каждым днем оправдывает общие надежды; он уже побеждает свою привычку к фарсам, обратился к натуре, простоте и доставляет нам удовольствие своим разнообразием и

оригинальностью.

Г-жа Репина в роли Фанни была очень хороша: невинное простодушие, радость при встрече с Тони, удовольствие быть знатной барыней, женская суетность к нарядам, желание повелевать и вместе робость были выражены ею прелестно. С каким милым просто-сердечием пропела она:

*Чтобы нам приманить в свой
дом
Толпу друзей на всякий случай,
Получше повара найдем —
И повалят друзья к нам кучей.
Но в них немного барыша,
И лучше жить своей семьей...
Я молода и хороша:
Семья придет сама собою.*

Г-н Потанчиков роль старика Бертрама, для молодого актера, играл недурно.

Г-н П. Степанов в роли Глюкмана – был очень хорош. Хотя это не характер, а карикатура, но, играя ее с таким совершенством, он много обещает в будущем.

Г-н В. Степанов в роли Дика был весел, жив и развязен, он также подает о себе хорошую

надежду; но мы, руководствуясь одною благонамеренностию, заметим ему, что в нем приметны какая-то выученная ловкость, а иногда фальшивый жар; мы опасаемся, чтоб он не потерял природного огня и натуральности.

А. И. Писарев не видел представления этого водевиля: он уже носил в груди своей близкую смерть. С большим усилием, за несколько дней до представления, выслушал он в своей комнате, сидя в постели, репетицию пьесы. Его тяжелой болезни должно приписать, что г. Рязанцев не выполнил своей роли с полным успехом. Этот молодой актер, одаренный прекрасным талантом и, к общему сожалению публики, похищенный у Москвы Петербургом, большею частию своих успехов обязан покойному Писареву. Он не только указал ему истинный способ игры, но именно для него обрабатывал характеры в своих пьесах.

1828 года, июля 6 дня.

Примечания

1

Водевильные куплеты слабы в отношении к целой пиесе, потому что она вся исполнена замысловатой остроты и веселости.

[^^^]